

© 2026. Андрей Белов

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Книга учёного-позитивиста Дж. Стюарта Милля «О подчинении женщины» в «Кроткой»

© 2026. Andrey A. Belov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

The Book *On the Subjection of Women* by the Positivist Scholar John Stuart Mill in *A Gentle Creature*

Информация об авторе: Андрей Александрович Белов, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0009-0009-8668-3730>

E-mail: a.a.belov26@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 25-18-00009 «Сочинения, язык и чтение героев зрелого периода творчества Ф.М. Достоевского 1859–1881 годов».

Аннотация: В статье анализируется присутствие книги «О подчинении женщины» Дж. С. Милля в фантастическом рассказе Ф.М. Достоевского «Кроткая». Доказывается, что работа Милля, введенная в текст через упоминание фамилии автора и воспроизведение основных её положений, оказывает существенное влияние на читательское восприятие «Кроткой». Ход повествования опровергает не только позицию Закладчика, но и тезисы Милля, в решении «женского вопроса» преодолевая односторонность рационалистической доктрины. В соответствии с взглядами Милля, несмотря на изначальное равенство

полов, в текущий исторический момент женщины глубоко неоригинальны и во всех суждениях зависимы от мужчин. В этих словах Милля Закладчик черпает вдохновение при создании своей «программы», отвергая при этом постулат о равенстве полов. При этом Закладчик мечтает не только о «социальном» превосходстве над Кроткой, но о лишении её духовной свободы вообще. Индивидуализм Закладчика выходит далеко за рамки «разумного» эгоизма: Достоевский явно дал понять метафизический характер его эгоцентризма, соотнеся героя с Мефистофелем и пушкинским Демоном. В этой связи особенно важно, что ряд тезисов Милля в подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский вкладывал в уста Князя (будущего Ставрогина). Там же Достоевский констатировал историческую бесплодность позитивистской науки для судеб человечества. Таким образом, цитата Закладчика «и тут сам Милль ничего не поделает!» на уровне авторского высказывания может быть распространена на всю проблематику «Кроткой». «Кроткая» ставится в контекст высказываний Достоевского по женскому вопросу на страницах «Дневника». Показывается, что контекст биографии Милля, освещённый русской прессой (в частности, в «Гражданине») служит подтверждением основной мысли Достоевского о «необходимости веры в бессмертие», высказанной им в главке «Приговор». В конце работы ставится вопрос о конкретном издании Милля, повлиявшем на Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «О подчинении женщины», Джон Стюарт Милль, «Кроткая», «Дневник писателя», чтение персонажей, книга в книге

Для цитирования: Белов А.А. Книга учёного-позитивиста Дж. Стюарта Милля «О подчинении женщины» в «Кроткой» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 1 (33). С. 32–46. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-32-46>

Information about the author: Andrei A. Belov, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Pervarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0009-0009-8668-3730>

E-mail: a.a.belov26@mail.ru

Acknowledgments: The research was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00009: “Characters’ Writings, Languages, and Readings in Dostoevsky’s Mature Works (1859–1881).”

Abstract: This article analyzes the presence of John Stuart Mill’s *On the Subjection of Women* in Fyodor Dostoevsky’s short story *A Gentle Creature*. It is argued that Mill’s work, introduced into the text through the mention of the author’s name and the reproduction of its main tenets, exerts a significant influence on the reader’s perception of *A Gentle Creature*. The narrative refutes not only the pawnbroker’s position but also Mill’s theses, overcoming the one-sidedness of rationalist doctrine in addressing the “woman question.” According to Mill, despite the inherent equality of the sexes, women at the present historical moment are profoundly unoriginal and dependent on men in all their judgments. The pawnbroker draws inspiration from Mill’s words in creating his “program,” while rejecting the postulate of gender equality. He dreams not only of “social” superiority over the Gentle Creature but also of depriving her of her spiritual freedom altogether. The pawnbroker’s individualism goes far beyond “rational” egoism: Dostoevsky clearly conveys the metaphysical

nature of his egocentrism by associating the hero with Mephistopheles and Pushkin's Demon. In this regard, it is particularly significant that Dostoevsky placed a number of Mill's theses in the preparatory materials for *The Devils* into the mouth of the Prince (the future Stavrogin). There, Dostoevsky also acknowledged the historical futility of positivist science for the fate of humanity. Thus, the pawnbroker's quotation—"And here Mill himself can do nothing!"—as an authorial statement may be extended to the entire theme of *A Gentle Creature*. The theme of *A Gentle Creature* is examined in the context of Dostoevsky's statements on women's issues in the pages of *A Writer's Diary*. It is shown that the context of Mill's biography, as presented in the Russian press (particularly in *The Citizen*), confirms Dostoevsky's central idea of the "necessity of belief in immortality," expressed in the chapter "The Sentence." The paper concludes by raising the question of the specific publication of Mill's work that influenced Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky, On the Subjection of Women, John Stuart Mill, *A Gentle Creature* (The Meek One), *A Writer's Diary*, character reading, book in the book

For citation: Belov, A.A. "The Book *On the Subjection of Women* by the Positivist Scholar John Stuart Mill in *A Gentle Creature*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (33), 2026, pp. 32–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-1-32-46>

Книжный подтекст повести Достоевского «Кроткая» неоднократно становился предметом рассмотрения ученых. ([Поддубная, 1978], [Полоцкая, 1994], [Михновец, 1996], [Касаткина, 2015] и др.). С особой тщательностью вопрос был рассмотрен В.А. Тунимановым в Академическом комментарии к Полному собранию сочинений [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 380–393]. Однако во всех этих работах, при обстоятельности рассмотрения проблемы, не ставился вопрос о присутствии в «Кроткой» книги Дж. С. Милля «О подчинении женщины». Между тем, Милль был одним из популярнейших учёных эпохи и, конечно, упоминание его имени в контексте «Дневника» не могло быть случайным. В нашем исследовании мы прослеживаем, какие идеи труда Милля актуализируются в сознании читателя и участвуют в смыслообразовании «Кроткой». Далее мы раскроем, какие контексты актуализировались в сознании читателя-современника при упоминании реальной биографии Милля. Наконец, мы ставим также вопрос о непосредственном знакомстве Достоевского с миллевским текстом. Упоминание Достоевским Милля рассматривается в контексте создания «Кроткой» как «малой формы» (подробнее о концепте малой формы см.: [Касаткина 2025a]).

В начале стоит высказать два общих соображения. Джон Стюарт Милль — популярнейший мыслитель эпохи, влиявший на умы

современников. Один из самых откровенных выпадов Достоевского против него и доктрины «новой науки» в целом высказан в «Дневнике писателя» 1873 года: «все эти европейские высшие учителя наши, свет и надежда наша, все эти Милли, Дарвины и Штраусы преудивительно смотрят иногда на нравственные обязанности современного человека. <...> дай всем этим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что всё здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 132–133]. Итак, ещё до появления «Кроткой» Достоевский прямо сообщил читателям «Дневника» свое отношение к учению английского философа.

Второй принципиально важный момент — в «Дневнике писателя» 1876 года «Кроткая» находится не только в окружении глав о самоубийстве и бессмертии, но и в контексте размышлений Достоевского по женскому вопросу. Поэтому при анализе упоминания Милля нельзя не учитывать «женскую» проблематику «Дневника».

Обратимся к тексту «Кроткой». Упоминание Милля приходится на первую главу фантастического рассказа. Тогда закладчик, описывая свою программу «воспитания», говорит: «я знал, что женщина, да ещё шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне. В женщинах нет оригинальности, это — это аксиома, даже и теперь, даже и теперь для меня аксиома! Что ж такое, что там в зале лежит: истина есть истина, и тут сам Милль ничего не поделает! А женщина любящая, о, женщина любящая — даже пороки, даже злодейства любимого существа обоготворит. Он сам не подыщет своим злодействам таких оправданий, какие она ему найдет. Это великодушно, но не оригинально. Женщин погубила одна лишь неоригинальность» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 15–16].

Приведённые в цитате тезисы о женской «неоригинальности» — отсылка к тезисам работы Дж. С. Милля «О подчинении женщины». Эта книга, вышедшая в двух русских переводах в 1869 году, была также подробно разобрана Страховым на страницах журнала «Заря» [Страхов, 1870, с. 106–149] и потому, безусловно, должна была быть знакома читателям «Дневника».

Для понимания «Кроткой» нужно подробно рассмотреть позицию Милля. Учёный справедливо считается одним из первых защитников прав женщин. Однако, несмотря на основной пафос сочинения — признание интеллектуального и нравственного равенства

мужчины и женщины, — Милль полагал, что в современный исторический момент это равенство отсутствует. Положение существующего неравенства полов неизбежно сформировалось исторически: мужчины держали женщин в рабстве своей физической силой, из которой произошло и их интеллектуальное превосходство. Поэтому, по Миллю, духовное развитие абсолютного большинства современных женщин глубоко несамостоятельно. Зачастую в своём личностном развитии они только подстраиваются под мужчин [Милль, 1869, с. 62–63]. Так, «Все, что женщины ни пишут о женщинах — одно лишь угодничество мужчинам. Незамужние женщины в этом случае, по-видимому, хлопочут только о шансах найти жениха» [Милль, 1869, с. 62]. Их личностная самостоятельность и вовсе невозможна до тех пор, пока «социальные учреждения не допустят и для женщин такого же свободного, самобытного развития, как и для мужчин. Когда наступит эта пора — и притом только тогда, но не ранее — мы не только услышим, но и увидим воочию все, что нам нужно знать о женской натуре <...>» [Милль, 1869, с. 63]. В современную же эпоху «женщины до сих пор не создали ни одной из тех великих, блестящих новых идей, которые образуют эру в истории мысли, не вызвали в искусстве ни одного фундаментально-нового понятия <...>. Высшей умственной оригинальности — вот чего, как я сказал, недостает произведениям женского интеллекта» [Милль, 1869, с. 172–173]. Милль объяснял сложившееся положение, с одной стороны, многовековой изоляцией женщин от образования, с другой — преобладанием мужчин в современной ему науке и культурной жизни в целом. Далее ученый выражал уверенность, что «если бы женщины до сих пор имели ту подготовку, которая позволяет мужчинам достигать высшей оригинальности, то теперь можно было бы уже судить путем опыта о женской способности к оригинальному развитию» [Милль, 1869, с. 176]. Свою мысль Милль завершал предположением, что «ничто не доказывает, чтобы женщины были подвижны какими-нибудь общими естественными побуждениями, отличающими женский гений от мужского» [Милль, 1869, с. 179]. Собственно, и основная мысль работы Милля состоит именно в попытке доказать, что «нет никакой разницы между умом и сердцем женщины и умом и сердцем мужчины» [Страхов, 1870, с. 117]. На основании этого равенства Милль отстаивал идею предоставления женщинам равных прав с мужчинами. Таким образом, в целом, «женскому вопросу» Милль придаёт прежде всего юридическое значение, настаивая на

возможности окончательного разрешения вопроса социальными средствами. Соответственно и «высшая» женская оригинальность, по Миллю, должна быть достигнута развитием исторических условий — в настоящий исторический момент она отсутствует. Таким образом, несмотря на то, что интеллектуальные возможности мужчины и женщины изначально равны, на современную культурную ситуацию Милль смотрит с позиции мужского превосходства.

Конечно, *основной* пафос книги Милля заключается всё же в защите прав женщин и в признании их изначального равенства с мужчинами. Поэтому закладчик не может полностью согласиться с Миллем: однако, отвергнув «позитивную» часть его программы, закладчик живо воспринял её «*негативную*» сторону. Первая часть вышеприведённой цитаты («женщина, да ещё шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне») очевидно имеет источник именно в указанных взглядах философа. На основе вывода Милля об интеллектуальном превосходстве закладчик выстраивал свою воспитательную «программу». При этом принципиально важно, что система Закладчика простиралась ещё дальше, чем юридическое или социальное закрепощение женщины, о котором размышлял Милль. В одном из вариантов читаем: «Но если состоится, — думал я, — если догадается сама, — то всё навеки побеждено, она моя, и вся моя [раба моя], для собственного же ее счастья» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 353]. Закладчик мечтал о метафизическом «закрепощении» Кроткой, которое предполагает полное подчинение её души¹, а вовсе не только тела и не только юридически, как о том писал философ. Закладчику нужно лишить Кроткую свободы не в поверхностно-правовом, а в духовном смысле. В этом от Закладчика лежит прямой путь к Великому Инквизитору².

Важнейшая характеристика взглядов Милля, накладывающая отпечаток на все его произведения — крайний индивидуализм:

¹ Это наблюдение было высказано О.Б. Сокуровой в разговоре с автором статьи

² Симптоматично поэтому, что единственное упоминание слова «рабство» в окончательном тексте принадлежит положению Кроткой в доме её тёток («у теток была три года в рабстве» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10]). Тем самым подчёркивается, что существующее в обществе «рабство» относится к отношениям всех людей между собой — а не только мужчины и женщины. Ср. у Т. Касаткиной: «“Кроткая” о том, что люди весьма успешно выполняют друг для друга функцию тюремщиков, мучителей и палачей. Любой человек найдет себе тюремщика и палача в лице *единственного* друга, которого захочет обрести на земле <...>» [Касаткина, 2015, с. 415]

«<...> какой может быть идеал женщины у индивидуалиста, для которого независимость одного человека от другого есть лучшая идея человеческой жизни, для которого власть, право — дороже всего на свете?» [Страхов, 1870, с. 139]. Мы помним, что беспредельный индивидуализм и есть та самая «смертная казнь», уготованная для всего человечества, преодоление которой заложено в проблематику «Кроткой» [Касаткина, 2015, с. 413–420]. Однако немаловажно, что, как и в предыдущем случае, Закладчик в своих мечтах заходит ещё дальше, чем мыслил позитивист, оставляя далеко позади постулаты *разумного* эгоизма.

Индивидуализм Закладчика имеет антихристианский характер, и Достоевский даёт это понять. В одном из вариантов, не попавшем в окончательный текст, Закладчик сравнивает себя с языческим богом Юпитером [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 353]. Там же, в вариантах, мы читаем, что в книжном шкафу у «образованного» закладчика нет даже Псалтыри; в конце текста он не может и вспомнить, кому принадлежат слова «люди, любите друг друга» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 35]. В начале «фантастического рассказа» Закладчик соотносится с Мефистофелем и пушкинским Демоном. Таким образом подчёркивается, что горделивый индивидуализм Закладчика имеет намного более глубокие метафизические корни — антихристианские и языческие.

В этой связи примечательно, что тезисы Милля из книги «О подчинении женщины», вспоминаемые закладчиком, Достоевский разрабатывал и ранее, вложив их в уста другого героя — будущего Ставрогина. В черновых набросках к «Бесам» находим такую цитату, принадлежащую Князю:

«Женщины и Женский вопрос. Но женский вопрос это мое большое место. Недостаток оригинальности. <...> Где вам без личности, без оригинальности, что-нибудь кроме пошлости сделать. Вы пошло измените мужу, вы пошло все до единой в переплетную пойдете и ничего не выдумаете другого. <...> Где вам сделать что-нибудь без собственной инициативы и личности? А у вас нет личности; откуда она возьмется, если и не было! Личность вырабатывается, вырастает по законам. Личность надо *заслужить*... а где вам служить? Оригинальности нет, личности нет, *человека нет* — подло!» [Достоевский, 2013–, т. 11, с. 468]. Таким образом, в использовании тезисов книги Милля мы находим неожиданную на первый взгляд параллель между Закладчиком и Ставрогиным.

В приведённом наброске мы видим явно и откровенно выраженную Достоевским интерпретацию теории Милля. Милль, доказывая, что женская оригинальность может быть сформирована только по прошествии времени, отстаивал в том числе и создание «новой науки» об историческом формировании характера. Достоевский ото-звался на эти воззрения словами Князя «личность вырабатывается по законам» и следовательно ее надо «заслужить». Текст «Кроткой», опровергая закладчика, опровергает вместе с тем и тезисы Милля о том, что женская оригинальность достижима только *в будущем*. (Ср. в майском выпуске «Дневника»: «А в заключение мне хочется прибавить ещё одно слово о русской женщине. Я сказал уже, что в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления. Возрождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 28].) Женскую «оригинальность» здесь и сейчас на деле сознает и сам закладчик³, правда, пока отрицая: «И что ж, повторяю, что вы мне указываете там на столе? Да разве это оригинально, что там на столе?»⁴ [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 353].

Интересно, что толчком для создания «Кроткой» стал исключительный, «неслыханный» случай, контрастно выделяющийся на фоне эпидемии однообразных самоубийств, захлестнувших русскую интеллигенцию. В главке «Два самоубийства», предшествующей «Кроткой», описывается два случая: самоубийство дочери А.И. Герцена, охарактеризованное как смерть от ««холодного мрака и скуки», со страданием, так сказать, животным и безотчётным, просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху не достало» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 146], и самоубийство одной бедной молодой швеи (Марьи Борисовой). Характерно, как описывается этот случай: «Этот образ в руках — *странная и неслыханная* [курсив наш — А.Б.] ещё в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство». Достоевский противопоставляет эти два случая: «А ко-

³ При этом принципиально важно, как высоко ценит свою «оригинальность» Закладчик и как за неё держится: «Говорил же я не только прилично, то есть выказав человека с воспитанием, но и оригинально, а это главное. Что ж, разве в этом грешно признаваться?» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10].

⁴ Отметим, между прочим, что тезис о «неоригинальности» и подражательности женских творений Милль распространял и на Жорж Занд. Достоевский поместил восторженную статью о ней в июньском выпуске «Дневника». Взгляды Милля, таким образом, неоднократно опровергаются журнальным контекстом, в котором помещена «Кроткая».

торая из этих душ больше мучилась на земле, если только приличен и позволителен такой праздный вопрос?» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 146]. Таким образом, с первых шагов осуществления замысла Достоевский постулирует глубочайшую оригинальность случая М. Борисовой. Положение Закладчика о женской «неоригинальности» находится в прямом противоречии с авторской волей.

Вернёмся к тексту «Кроткой». Ближе к концу повести для Закладчика становится ясно интеллектуальное равенство с супругой. Во второй главе между героями заходит разговор о чтении [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 30]. Их читательские вкусы совпали. Оказывается «вдруг», что герои вполне в состоянии встать на одну интеллектуальную высоту. Казалось бы, актуализируется мысль Милля об изначальном интеллектуальном равенстве мужчины и женщины, до того отвергнутая рассказчиком. Однако теперь, когда «пелена уже пала», миллевское, социально-юридическое решение вопроса уже не может удовлетворить героя. Закладчик оказывается в ситуации экзистенциальной проблемы, в разрешении которой рационалистический, позитивистский научный труд помочь ему не способен. Фантастический рассказ завершается обращением к Евангелию: «*Люди, любите друг друга*» — кто это сказал? чей это завет?» (курсив наш — А.Б.) [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 35].

Поэтому фраза «Что ж такое, что там в зале лежит: истина есть истина, и тут сам Милль ничего не поделает!» может быть отнесена ко всей проблематике повести, означая бессилие позитивистской доктрины в разрешении основных вопросов бытия. В этой связи обращает на себя внимание более ранний фрагмент из черновиков к «Бесам»: «Все эти философские системы и учения (позитивизм, Конт и проч.) являлись не раз <...> и ужасно скоро, бесследно и почти неприметно ни для кого вдруг исчезали. И не потому, что их опровергали, о, нет, просто потому, что они никого не удовлетворяли... Тогда как другие идеи (христианство н<а>пр<имер>) вдруг расходились по всей земле, овладевали миром, и вовсе не потому, что были доказаны, а просто потому, что всех удовлетворяли...» [Достоевский, 2013–, т. 11, с. 264]. Поэтому кажется неслучайным, что, кроме упомянутого случая, слово «истина» в тексте встречается только один раз — в авторском предисловии: «Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 5]. Таким образом,

на уровне авторского высказывания мы имеем недвусмысленное указание на ключевую роль этой цитаты в организации «Кроткой».

Итак, разворачивающееся повествование «Кроткой» последовательно опровергает тезис Милля о женской «неоригинальности». Героиня оказывается нравственно выше Закладчика, и герой обращается (или, по крайней мере, изъявляет намерение обратиться) к Евангелию. Сказанное позволяет поставить «Кроткую» в контекст произведений Достоевского, отмеченных темой женского наставничества [Касаткина, 2025б], и прежде всего — в контекст «Преступления и наказания». Образ Закладчика имеет несомненные параллели с образом Лужина (их «роднят» ориентация на доктрину упомянутого «разумного эгоизма» и желание жениться на девушке, стоящей неизмеримо ниже по положению, чтобы властвовать над ней). Возможно, выход книги Милля заставил Достоевского мысленно вернуться к «проблематике» Лужина. Так или иначе, кажущееся случайным упоминание Милля актуализировало в восприятии читателя обширный контекст взглядов Достоевского на «женский вопрос», выходящих далеко за рамки собственно «Кроткой» и вообще «Дневника» 1876 года.

Само упоминание фамилии Милля предполагало актуализацию в памяти читателя некоторых сведений из более широкого контекста, связанного с его фигурой. Так, в Лондоне в 1873 году вышла «Автобиография» Милля. Два обзора на неё (К.П. Победоносцева [Победоносцев, 1873] и Н.Н. Страхова [Страхов, 1874]), были опубликованы в «Гражданине» в период работы Достоевского редактором. В обзоре Победоносцева обращают на себя внимание несколько мест, совпадающих с отдельными местами «Кроткой». Во-первых, система, в которой воспитывался Милль, предстающая «запертой, состроенной, душной» клеткой «логических конструкций», в которой тяготение к чувству подавлялось, равно как и интерес к природе или искусству. Во-вторых, Милль пишет о постоянно ощущаемом им интеллектуальном превосходстве. Особенно интересен процитированный в статье фрагмент его «Автобиографии»: «Человек высшей интеллигенции <...> должен являться в общество низшей интеллигенции <...> не иначе как в качестве апостола» [Победоносцев, 1873] (ср. в «Кроткой» «Я явился как бы из высшего мира» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 10])⁵. Победоносцев резюмирует:

⁵ При этом особенно важно, что в «Автобиографии» Милль предстаёт человеком,

«Автобиография Милля выражает самое ясное и самое решительное отрицание религиозной истины и религиозного чувства, особенно христианского» [Победоносцев, 1873].

В статье Н.Н. Страхова делается акцент на том, что Милль фактически пришёл к опровержению собственной теории о счастье как об основном мериле человеческих поступков. Вновь, как и в брошюре 1870 года, Страхов фиксирует внутреннюю противоречивость мировоззрения позитивиста и его крах как «учителя человечества».

Тем большее впечатление на читателей должны были произвести вышедшие посмертно «Три эссе о религии» Милля (1874). В этих эссе, широко обсуждавшихся в русской прессе, всем известный позитивист «предстал как верующий в Бога, в существование демонов тьмы, ограничивающих силой своего зла его могущество, в неопровержимость религиозных представлений о тайнах бытия» [Зохраб, 2000, с. 52].

Для нас важно, что такое внутреннее изменение рационалиста Милля: а) подтвердило взгляды Достоевского о «необходимости веры в бессмертие», высказанные им в главке «Приговор», б) не могло не прийти на ум образованному читателю «Кроткой», следящему за новостями прессы.

Таким образом, в «Кроткой» происходит развенчание Милля сразу на двух уровнях: ход сюжета опровергает основные положения его доктрины, несостоятельность которых одновременно подтверждается и основными вехами биографии Милля — о которых читатель не мог не вспомнить. В «Кроткой» система аргументов книги Милля разрушается во всех основных своих положениях. Художественная же форма позволяет придать возражениям против Милля намного большую достоверность и действенность. Отмеченная особенность позволяет вернуться к вопросу о функции «малой формы» в «Дневнике писателя» Достоевского. Подтверждаются слова Т.А. Касаткиной: «именно в художественных текстах он [Достоевский] доводит уровень рассмотрения проблемы до тех “концов и начал”, которые “все еще для человека фантастическое”. Делает он это постольку, поскольку проблема, могущая быть сформулированной на уровне “насуточно-видимо-текущего”, радикального (корневого) решения на этом уровне не имеет» [Касаткина 2025а,

лишённым чувства юмора. Мы помним, что одна из ключевых сцен «Кроткой», когда герои обсуждают сцену из «Жили Блэза», строится именно вокруг смеха.

с. 427]. В контексте «Кроткой» такой проблемой становится и «женский вопрос»; невозможность его решения чисто позитивистскими методами констатируется Достоевским и на теоретическом, и на жизненно-конкретном уровнях.

В конце работы стоит поставить вопрос о конкретном издании Милля, повлиявшем на Достоевского. Как известно, в 1869 году вышло два перевода его книги на русский язык. Обзор Н.Н. Страхова на книгу Милля в переводе Г.Е. Благодетельского появился во втором выпуске «Зари». На данный момент мы не располагаем данными, позволяющими судить о конкретном издании Милля, прочитанном Достоевским. Однако заметно, что брошюра Страхова (имевшаяся в личной библиотеке писателя [Библиотека, 2005, с. 145]) повлияла на Достоевского в большей степени, чем собственно книга Милля. Прямого упоминания книги Милля мы не найдем ни разу. Зато активно обсуждается брошюра Страхова. Первое упоминание — в письме 24 марта 1870 («Женский вопрос <...> изложен превосходно» [Достоевский, 1972–1990, т. 29, с. 113]). Далее в черновых материалах к «Бесам» («Последние дни Т.Н. Гр<ановско>го») встречается полемика именно со Страховым (с «мнением Страхова об англичанках» [Достоевский, 2013–, т. 11, с. 229]), но не с Миллем. Достоевский возвращался к этой брошюре и в 1876 году, полемизируя со Страховым, однако вновь никак не касаясь Милля. Обращение к воспоминаниям современников также не позволило прояснить вопрос: нигде не упомянут ни Милль, ни факт его чтения Достоевским. Конечно, так или иначе текст «О подчинении женщины» Достоевский, вероятнее всего, читал и был с ним хорошо знаком. Однако судить о конкретном издании, повлиявшем на писателя, мы не можем. Тем не менее, можно констатировать чрезвычайно значительное влияние брошюры Страхова, на первый взгляд более заметное, чем влияние собственно Милля.

Таким образом, в статье мы постарались вскрыть «миллевский подтекст» Кроткой. Самим ходом развития повествования отвергается один из тезисов Милля — о женской неоригинальности в нынешнем историческом состоянии, и, казалось бы, подтверждается основной — о равенстве полов. Однако Достоевский в рассмотрении «концов и начал» идёт, безусловно, дальше, чем позитивист-Милль. И поставленные Миллем проблемы, и предложенные им решения оказываются недостаточны для разрешения внутреннего конфликта, в котором оказался герой. Поэтому фраза «и тут сам Милль ничего

не подделает!», в сущности, относится ко всей проблематике повести, означая бессилие позитивистской доктрины в кризисные моменты развития человечества. Особенно это ясно в контексте основной проблематики повести — о бессмертии (ср.: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть оно <...> существует несомненно» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 49]). Подтверждением этой ключевой для «Дневника» мысли читателю служила биография самого Джона Стюарта Милля.

Список литературы

1. Библиотека, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции / под ред. Н.Ф. Будановой. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
2. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Достоевский, 2013 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013— (издание продолжается).
4. Зограб, 2000 — Зограб И. «Европейские гипотезы» и «русские аксиомы»: Достоевский и Джон. Стюарт Милль // Русская литература. 2000. № 3. С. 37–52.
5. Касаткина, 2015 — Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный обзор в произведениях. Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
6. Касаткина, 2025а — Касаткина Т.А. Обзор VI Международной научной онлайн-конференции из цикла «Достоевский: современное состояние изучения»: Достоевский: малые формы, 3–5 марта 2025 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 418–467. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467>
7. Касаткина, 2025б — Касаткина Т.А. Человек ли женщина? О «смешной и неважной» ссылке на журнал и книгу в «Преступлении и наказании» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 164–196. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15163. EDN: SJTIZK
8. Милль, 1869 — Милль Дж.С. О подчинении женщины / пер. с англ.; под ред. и с предисл. Г.Е. Благовестлова. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1869. 304 с.
9. Михновец, 1996 — Михновец Н.Г. «Кроткая»: Литературный и музыкальный контекст // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 143–167.
10. Победоносцев, 1873 — В. (Победоносцев К.П.). Картина высшего воспитания. Автобиография Дж. Стюарта Милля // Гражданин. 1873. 5 ноября. № 45. URL: <https://philolog.petsu.ru/fmdost/grajd/1873/5nN45.htm#a5> (дата обращения: 02.02.2026).
11. Поддубная, 1978 — Поддубная Р.Н. Герой и его литературное развитие: (Отражение «Выстрела» Пушкина в творчестве Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1978. Т. 3. С. 54–66.
12. Полоцкая, 1994 — Полоцкая Э.А. Литературные мотивы в рассказе Достоевского «Кроткая» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1994. Т. 11. С. 259–266.
13. Страхов, 1870 — Страхов Н.Н. Женский вопрос: Разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины» // Заря. 1870. № 2. С. 106–149.

14. Страхов, 1874 — *Страхов Н.Н.* Милль в своей Автобиографии // Гражданин. 1874. № 6. URL: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/grajd/1874/74n06.htm> (дата обращения: 02.02.2026).

References

1. Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [*Fyodor Dostoevsky's Library: An Attempt at Reconstruction. Scientific Description*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works: in 35 vols*], vol. 10. St. Petersburg, Nauka Publ., 2021. 577 p. (In Russ.)
4. Zokhrab, I. “Evropeiskie gipotezy” i ‘russkie aksiomy’: Dostoevskii i Dzhon Stiuart Mill” [“European Hypotheses” and ‘Russian Axioms’: Dostoevsky and John Stuart Mill”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2000, pp. 37–52. (In Russ.)
5. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: Dvusstavnyi obraz v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
6. Kasatkina, T.A. “Obzor VI Mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii iz tsikla ‘Dostoevskii: sovremennoe sostoianie izucheniia’: Dostoevskii: malye formy, 3–5 marta 2025 goda” [“Review of the VI International Scientific Online Conference from the series ‘Dostoevsky: Current State of Research’: Dostoevsky: Short Forms, March 3–5, 2025”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 418–467. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-418-467>
7. Kasatkina, T.A. “Chelovek li zhenshchina? O ‘smeshnoi i nevazhnoi’ ssylke na zhurnal i knigu v ‘Prestuplenii i nakazanii’ Dostoevskogo” [“Is a Woman a Human Being? On a ‘Ridiculous and Unimportant’ Reference to a Magazine and Book in Dostoevsky’s *Crime and Punishment*”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, no. 3, vol. 23, 2025, pp. 164–196. (In Russ.) DOI: 10.15393/j9.art.2025.15163
8. Mill, John S. *O podchinenii zhenshchiny* [*On the Subjection of Women*] Transl. by G.E. Blagosvetlov. St. Petersburg, A. Morigerovskii Publ., 1869. 304 p. (In Russ.)
9. Mikhnovets, N.G. “‘Krotkaia’: Literaturnyi i muzykal'nyi kontekst” [“A Gentle Creature: Literary and Musical Context”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 13. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 143–167. (In Russ.)
10. V. (Pobedonostsev, K.P.) “Kartina vysshego vospitaniia. Avtobiografiia D.Zh. Stiuarta Millia” [“A Picture of Higher Education: The Autobiography of J. Stuart Mill”]. *Grazhdanin*, no. 45, 1873. Available at: <https://philolog.petsru.ru/fmdost/grajd/1873/5nN45.htm#a5> (Accessed 02 Feb. 2026). (In Russ.)
11. Poddubnaia, R.N. “Geroi i ego literaturnoe razvitie: (Otrazhenie ‘Vystrela’ Pushkina v tvorchestve Dostoevskogo)” [“The Hero and His Literary Development: (Reflection of Pushkin’s ‘The Shot’ in Dostoevsky’s Works)”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 3. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 54–66. (In Russ.)
12. Polotskaia, E.A. “Literaturnye motivy v rasskaze Dostoevskogo ‘Krotkaia’” [“Literary

Motifs in Dostoevsky's Story *A Gentle Creature*"]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky: Materials and Research*], vol. 11. Leningrad, Nauka Publ., 1994, pp. 259–266. (In Russ.)

13. Strakhov, N.N. "Zhenskii vopros" ["The Women's Issue"]. *Zaria*, no. 2, 1870, pp. 106–149. (In Russ.)

14. Strakhov, N.N. "Mill' v svoei Avtobiografii" ["Mill in his Autobiography"]. *Grazhdanin*, no. 6, 1874. Available at: <https://philolog.petrus.ru/fmdost/grajd/1874/74n06.htm> (Accessed 02 Feb. 2026). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.02.2026

Одобрена после рецензирования: 03.03.2026

Дата публикации: 25.03.2026

The article was submitted: 28 Feb. 2026

Approved after reviewing: 3 March 2026

Date of publication: 25 March 2026